

В столице было намного теплее, чем на северных границах, и на ветвях уже расцветали весенние цветы. Каждую ночь сотни огней освещали весенние мосты, везде царило оживление, красные свечи на десять ли повсюду озаряли реку и цветы, разнося тысячи ароматов. Воистину, это был сезон прогулок на природе и наслаждения весенними пейзажами и весенними радостями.

Но днём столица затихала: казалось, что и простые люди, и придворные невольно поддавались весенней истоме, ленились и не желали много двигаться, поэтому прохожих на улице было немного.

Около полудня в столицу через восточные ворота в сопровождении женщины вошёл учёный с мрачным лицом. Судя по их выражениям лиц и поведению, они не были матерью и сыном. Они не стали устраиваться на постоянный двор, а напрямик пошли в неприметный дом на западе столицы. Только мало кто знал, что настоящим владельцем этого дома был начальник цензора.

Весеннюю истому не сдержать, но от неё можно очнуться. В некий день третьего месяца, точно так же как и после весенних экзаменов, ни с того ни с сего несколько раз грянул гром и закапал весенний дождь, вымочив все дома и переулки в столице.

После того, как Контрольная палата арестовала торговцев солью из Цзяннаня, связанных с продажными чиновниками, дело о злоупотреблениях на экзамене было окончательно закрыто. Кроме одного шилана, которого приговорили к высылке за три тысячи ли, остальные семнадцать причастных чиновников были приговорены к смертной казни. Таково было желание императора, однако и доказательства имелись железные, так что никакая сторона не осмелилась бы открывать рот и ни один государственный служащий не посмел бы высказать своё мнение.

Министр церемоний Го Ючжи также был приговорён к обезглавливанию. Он оказался самым высокопоставленным чиновником со времён основания государства Цин, приговорённым к смертной казни. Когда новости об этом разошлись, они ужаснули и двор, и простой народ. Говорили, что даже вдовствующая императрица приходила во дворец императора просить о снисхождении, но тот после ласковой речи, вытерев несколько императорских слезинок, заменил приговор на повешение в тюрьме, чтобы тело министра Го осталось неповреждённым. Вдовствующая императрица опечалилась и больше ничего не говорила.

Вместе с Го Ючжи казнили шестнадцать других чиновников.

Капли дождя медленно сыпались с неба, падая на землю у входа на Соляной рынок — в обычные дни самое оживлённое место в столице, — но они всё равно не могли разогнать столичных жителей, которые, не обращая внимания на дождь, наблюдали за казнью.

Шестнадцать чиновников, для казни одетых в белое, стояли на коленях на заранее

выстроенном деревянном помосте. Одежда уже была в пятнах крови — видимо, они перенесли немало пыток. Эти некогда блистательные чиновники теперь стояли с горестными лицами, с взлохмаченными волосами и выглядели совершенно несчастными. Неизвестно, что за методы использовала Контрольная палата: один ещё сохранивший остатки дерзости осуждённый упрямо раскрыл глаза и, пустым взглядом найдя в толпе зрителей своих родственников, открыл рот, но не смог произнести ни звука.

Главы трёх приказов и Му Те, представляющий Контрольную палату, которым высочайшим указом было предписано наблюдать за исполнением приговоров, сидели у помоста, глядя на разворачивающееся перед ними действо. Му Те был бесстрастен, но остальным государственным служащим было не по себе. Те осуждённые чиновники, ожидающие смерти под эшафотом, когда-то были их сослуживцами. Они вместе веселились на цветочных лодках и вместе напивались за пиршественным столом, а сегодня должны отстранённо смотреть, как те умирают.

Дождь падал на карниз ресторана рядом с Соляным рынком, а затем маленьким водопадом с неба стекал по черепичному водостоку вниз. Высоких зданий тут было много, так что водопадов, которые белыми драконами с плеском изливались на мостовую из светлого камня, тоже было с десяток.

Высокопоставленный чиновник поднялся и начал громко зачитывать указ, но ему мешал шорох этих маленьких водопадов, и слышно его было не очень чётко. Обступившая толпа видела только, как шевелятся его губы, но не понимала, о чём он говорит, лишь в конце заметила, как чиновник с суровым видом строго скомандовал:

— Казнить!

Услышав это слово отчётливо, зрители тут же заволновались и с громкими криками ломанулись вперёд, чтобы подобраться к деревянному помосту поближе и как следует насладиться зрелищем, какое нечасто увидишь.

Палач на помосте сплюнул, стёр с лица капли дождя, занёс топор за спину, шагнул вперёд, вытянул левую руку и легонько надавил на затылок первого осуждённого, определяя положение позвонка, а затем громко закричал — и сверкнуло лезвие!

Падая, оно произвело приглушённый звук, с каким острый нож режет свинину.

Из рассечённой шеи с шелестом хлынула и далеко расплескалась кровь. Голова осуждённого чиновника покорно упала на помост, как будто он всё ещё боялся придворного палача. Она покатилась со стуком и, словно подгоняемая потоком дождя, не останавливаясь докатилась до края помоста и упала вниз.

Увидев, как окровавленная голова с застывшим взглядом упала к их ногам, возбуждённые до этого столичные жители в страхе сделали большой шаг назад.

Там, где прокатилась голова, осталась дорожка крови, но под напором дождя она быстро растворилась без следа.

Только тогда наблюдавшая за казнью толпа разразилась одобрительными возгласами, но восторгающих было не так много, и кричали они не очень дружно, казалось, в толпе они рассеяны. Му Те, сидевший в самом нижнем кресле у помоста и надзиравший за исполнением приговора, сделал недовольное лицо.

Тотчас вслед за этим палач нанёс ещё один удар, и ещё одна голова упала на землю; струя крови взметнулась к небу, раздался вскрик, и ещё одна жизнь была прервана. Всего трое палачей проводили казнь, и за короткое время всем шестнадцати осуждённым отрубили головы, оставив на земле лишь кровь и трупы.

По мере казни толпа зевак постепенно смелела, и торжествующие голоса раздавались всё громче. А когда голова фэнчжэна Министерства церемоний наконец трагически рассталась с его телом, от радостных криков прямо-таки вздрогнули небеса, а потоки плотного дождя разлетелись в страхе.

Несколько служителей столичной управы искали в толпе голову первого казнённого, искали долго, но так и не смогли найти.

Через некоторое время из толпы выбежала чёрная собака. В пасти она несла отрубленную голову, ухватив её острыми зубами за ухо. Собака озиралась по сторонам, и от её взгляда у людей мурашки пробегали по коже.

— Гав!

Чёрная собака получила ножнами по задку от служащего управы, от боли выпустила голову и, поскуливая, рванула под проливной дождь.

Следующие несколько дней действо повторялось. Министр наказаний находился под следствием за взяточничество, и в загородной усадьбе его третьей наложницы Контрольная палата при обыске нашла золото, серебро и некоторые контрабандные товары. Дело было доложено императорскому двору и передано в Ревизионную палату для установления наказания. Министра сняли с должности и назначили помощником начальника округа Ичжоу — фактически, понижение с первого ранга до седьмого.

Ичжоу находился далеко на юге, среди жары и ядовитых испарений — возможно, Хань Чживэй, министр наказаний, уже никогда не вернётся в столицу.

Цензор Го Чжэн, на первый взгляд, не находился ни под каким влиянием, но императорский двор всё же нашёл повод и тут же отправил его в Цзяннань. Хотя в Цзяннани прекрасны и люди, и пейзажи, четвёртый отдел Контрольной палаты уже наводнил её своими сотрудниками, и, как только кто-то попытается сделать свой ход, с ним тут же разберутся.

Гражданские чиновники при дворе из-за отношений с премьер-министром, а также потому, что Контрольная палата имела убедительные доказательства и действовала не слишком жёстко, не пребывали в единодушии. Для Контрольной палаты это обернулось дополнительной критикой.

Но все придворные знали, что это месть, неприкрытая месть Контрольной палаты за случившееся в зале Министерства наказаний с Фань Сянем, кандидатом на пост главы, который находился сейчас далеко на северных границах.

Мсть и ответная мсть, контроль и ответный контроль, пока в конце концов не будет достигнуто некое негласное равновесие, — последние десятилетия это было неизменной проблемой в официальных кругах государства Цин. Поэтому никто не представлял, что, хотя Контрольная палата, мстя премьер-министру, проявит снисхождение и остановится в определённых границах, ответный удар Синьяна и императрицы всё равно будет так скор.

Упомянутый ранее молодой учёный был тот самый Хэ Цзунвэй, который не смог участвовать в весенних экзаменах из-за смерти своего отца. Он был учеником наставника императора Цзэн Вэньсяна и всегда состоял в близких отношениях с семьёй Го. Находясь в родных местах, он неожиданно услышал ошеломительную новость о том, что министр в тюрьме и ожидает смерти, имущество его семьи конфисковано, а его хороший друг Го Баокунь скитается неизвестно где. Но больше всего разозлило Хэ Цзунвэя то, что наследный принц не оказал никакой помощи в этом деле.

У женщины, въехавшей в столицу вместе с Хэ Цзунвэем, житейские обстоятельства были ещё более странными: она была женой У Боаня. У Боань был советником, которого старшая принцесса тайно внедрила в поместье премьер-министра. В прошлом году он подговорил второго сына семьи Линь, объединив усилия с Северной Ци, убить Фань Сяня на улице Ньюланьцзе, но неожиданно был сам жестоко убит в виноградной беседке.

Премьер-министр Линь Жофу, естественно, до мозга костей ненавидел У Боаня, из-за которого погиб его единственный нормальный сын. Хотя У Боань уже умер, у семьи У в Шаньдуне ещё оставалось много собственности. Местные чиновники были приверженцами премьер-министра, поэтому, угадав намерения вышестоящего, они стали терроризировать семью У. Всего за полгода они конфисковали неизвестно сколько денег и даже без вины посадили в тюрьму родного сына У Боаня и запытали до смерти.

Эта женщина была неграмотна и знала, что премьер-министр могущественен, а семья У не может противостоять ему, но она, горя из-за ужасной смерти сына, набралась смелости и поехала в столицу одна, чтобы подать жалобу императору.

Остановившись на отдых за городом, эта бедная госпожа У «случайно» встретила Хэ Цзунвэя, который как раз возвращался в столицу.

Хэ Цзунвэй был умён и, выслушав её, понял, что это дело открывает широкие возможности. Поэтому он как следует утешил госпожу У, сказав, что обязательно найдёт способ добиться для неё справедливости.

По прибытии в столицу, полагаясь на знакомства своего учителя, Хэ Цзунвэй временно поселил госпожу У в усадьбе отставного цензора. В те дни какие-то загадочные люди часто приходили в усадьбу, мягко и деликатно выспрашивая у госпожи У некоторые детали трагедии на её родине.

Хэ Цзунвэй смотрел на всё это бесстрастно, и, только когда испуганная госпожа У задавала ему вопросы, он широко улыбался и утешал её, говоря, что справедливые чиновники при дворе уже приступили к этому делу и премьер-министр скоро падёт.

Сад старой усадьбы цензора был немного запущен. На лице стоящего за декоративной горкой Хэ Цзунвэя промелькнула удовлетворённость, и он уничтожил лежавшее за пазухой тайное письмо из Синьяна. Он задумался об официальных кругах столицы после падения премьер-министра, невольно вспомнил о породнившейся с ним семье министра Фаня и о холодной барышне Фань, и в сердце у него всколыхнулась страсть.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/2817933>